

5.6.7.[07.00.15]ТАЪРИХИ МУНОСИБАТҶОИ БАЙНАЛХАЛҚӢ
ВА СИЁСАТИ ХОРИҶӢ
5.6.7.[07.00.15] ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
5.6.7.[07.00.15] HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND
FOREIGN POLICY

УДК 9(М)31

DOI:10.51844-2077-4990-2023-4-42-49

**АНГЛИЯ НА
ПОДСТУПАХ К СРЕДНЕЙ
АЗИИ: АФГАНСКИЙ ВЕКТОР
(1838-1857)**

*Исмоилова Маишхура Буховатдиновна, соискатель
кафедры всеобщей истории ГОУ «ХГУ имени акад.
Б.Гафуров (Таджикистан, Худжанд)*

**АНГЛИЯ ДАР
ОСТАНАИ ОСИЁИ МИЁНА:
ВЕКТОРИ АФГОНӢ
ENGLAND ON
THE APPROACHES TO
CENTRAL ASIA: AFGHAN
VECTOR (1838-1857)**

*Исмоилова Маишхура Буховатдиновна, унвонҷӯи
кафедраи таърихи умумии МДТ «ДДХ ба номи
акад. Б.Гафуров (Тоҷикистон, Хучанд)
Ismoilova Mashkhura Bukhovatdinovna, research
worker of General History department, SEI "KSU
named after acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khujand),
E-mail: mashkhurakhon.ismoilova@mail.ru*

Ключевые слова: Герат, Афганистан, английская политика, завоевание, экономическая политика, торговля, конкуренция, внешняя политика

В статье проанализировано и рассмотрено геополитическое положение Герата и его окрестностей в плане противостояния Англии и России в Среднеазиатском регионе. Приобретение особого значения Афганистана в английской политике за Среднюю Азию показано на основе англоязычных исследований. Этот период осложнялся тем, что на изменения в исторической географии в контексте борьбы за гегемонию в Иране на территории Османской империи, в том числе и в Афганистане, повлияли расстановки сил в регионе. Подчеркивается, что именно борьба за новый рынок, полезные ископаемые и дешевую рабочую силу переросла в антагонизм между Англией и Россией. Немаловажную роль в эскалации отношений сыграл и вопрос «Герата».

Вожаҳои калидӣ: Ҳирот, Афғонистон, сиёсати Бритониё, истило, сиёсати иқтисодӣ, тиҷорат, рақобат, сиёсати хориҷӣ

Дар мақола мавқеи геополитикии Ҳирот ва гирду атрофи он аз нигоҳи бархӯрди Англия ва Русия дар минтақаи Осиеи Марказӣ таҳлил ва баррасӣ мешавад. Аҳамияти ҳоса пайдо кардани Афғонистон дар сиёсати Бритониё барои Осиеи Марказӣ дар заминаи таҳқиқоти англисӣ нишон дода шудааст, ки ин давра аз он сабаб печида шудааст, ки тағйирот дар ҷуғрофиёи таърихӣ дар заминаи мубориза барои гегемония дар қаламрави Эрон. Империяи Усмонӣ, аз ҷумла дар Афғонистон, аз тавозуни қувваҳо дар минтақа таъсир дошт. Таъкид карда мешавад, ки маҳз мубориза барои бозори нав, маъданҳои ғайбӣ ва кувваи кории арзон ба антагонизми байни Англия ва Русия табдил ёфт. Дар тезу тунд шудани муносибатҳо масъалаи Ҳирот низ роли калон бозид.

Key words: Herat, Afghanistan, English policy, conquest, economic policy, trade, competition, foreign policy

In this article, the geopolitical position of Herat and its surroundings in terms of the confrontation between England and Russia in the Central Asian region is analyzed and considered. The acquisition of the special importance of Afghanistan in English politics for Middle Asia is shown on the basis of English studies. This period was complicated by the fact that the changes in historical geography in the context of the struggle for hegemony in Iran on the territory of the Ottoman Empire, including in Afghanistan, were influenced by the alignment of forces in region It is emphasized that the struggle for a new market, useful minerals and cheap labor turned into antagonism between England and Russia. An important role in the escalation of relations was played by the "Herata" issue.

План захвата отдаленного города-крепости Герат обернулся для Британии серьезными финансовыми и человеческими потерями. Прямые и косвенные расходы на этот проект составили более 20 миллионов фунтов стерлингов, а также привели к двум войнам. Однако, несмотря на все усилия и ресурсы, вложенные в этот план, Британия так и не смогла приблизиться к окончательному решению по вопросу Герата.

В 1860-х годах основные усилия России в Средней Азии были направлены на завоевание территорий и контроль над рынками, которые имели стратегическое значение в рамках англо-русского противостояния. Эти действия способствовали ускорению военной экспансии Российской империи в регионе и укреплению её позиций [1, с.17-18].

Безусловно, экономические факторы, такие как расширение российской торговли, получение дешевого сырья, были весьма важны. Надо отметить, что военные планы имперской власти сыграли еще большую роль. Географические особенности Средней Азии, включая отсутствие значительных природных препятствий, благоприятствовали России в её стремлении к расширению в этом регионе. Благодаря относительной плоскости степных равнин и отсутствию горных барьеров, Российской империи было легче продвигаться на восток и юг, включая Степной край и приближение к границе хребта Гиндукуш. Русские военные утверждали, что ограниченная экспансия, которая сократит разрыв в его линиях степных укреплений, установит более короткую, более защищенную границу, защитит дружественных соплеменников от нападения и обезопасит торговые пути между Россией и Средней Азией. Самоуверенные генералы и губернаторы на местах, которые использовали указанные аргументы, стремились, как и их британские и французские коллеги, добиться личного прогресса и славы для себя и своей страны. Общая картина русского завоевания и его результатов была представлена в опубликованных работах, но до сих пор имеется потребность в специализированных исследованиях этой эпохи, и изучение данного вопроса остается востребованным. Таким образом, с 1860-х годов возобновилась ускоренная экспансия. В данной статье предпринимается попытка проанализировать мотивы лиц, несших ответственность за империализм в Средней Азии в указанный период. Между 1730 и 1850 годами Россия завоевала контроль над степью (имеется в виду Степной край) к югу и востоку от Оренбурга. В 1850-х годах русские медленно продвигались на юго-восток вверх по реке Сырдарья, основав ряд фортов, и на юго-запад от Сибири. В 1854 году российское правительство решило, что в конечном итоге разрыв в несколько сотен миль в его степной обороне должен быть закрыт, но Крымская война задержала этот проект. К 1863 году русские силы в Средней Азии действительно показали впечатляющие успехи, в основном благодаря их превосходящему вооружению и лидерству. Это помогло им добиться значительных территориальных приобретений с минимальными затратами. Однако, не следует забывать, что данные действия вызывали протесты со стороны других держав, которые не всегда одобряли амбиции России в регионе. Естественно, такими темпами русские могли в скором времени приблизиться к горам Гиндукуша, что могло создать угрозу Британской Индии. Конечно, конфликты и кровопролитие в истории Герата происходили неоднократно. Древний город с огромными укреплениями его массивной квадратной цитадели, все еще доминирующей над зеленой и плодородной долиной Хари-Руда, вероятно, сражался, осаждался, разрушался и перестраивался чаще, чем любой другой город в Азии. Его важность основывалась на ряде взаимосвязанных факторов. Стратегически Герат доминировал над самым легким подходом к Афганистану с запада по хорошо проторенной дороге между Мешхедом и Кандагаром [2, с.201-202]. Также вместе с Мешхедом и Мервем (Мэри) стоял на страже от вторжения с севера через единственную реальную брешь в горах, которая охватывала Азию от Китая до Черного моря. Коммерческое значение Герата, которое временами делало его крупнейшим торговым центром в Азии, проистекает из его положения в центре караванных путей, идущих во всех направлениях, и из удивительного плодородия и богатства его речной долины, столь поразительного для любого, кто путешествует по бесплодным горам и пустыням, окружающим его со всех сторон. Исторически Герат был спорным пограничным городом на древних границах между Ираном и Тураном, персами и афганцами, турками и узбеками, суннитами и шиитами. Поскольку среднеазиатские царства к северу и северо-востоку от него пришли в упадок после смерти Тимура, борьба за Герат с XVIII века более определенно выделялась как борьба между древним царством Персии на западе и зарождающейся афганской монархией, ненадежно спаянной гением Ахмад-шаха на востоке. Обе державы в разное время занимали и господствовали в Герате, и обе сохраняли в неприкосновенности свои древние притязания на него [3, с.78]. Неудивительно, что с 1798 года и до 1830-х годов первой почти инстинктивной реакцией Британии на угрозу вторжения была попытка укрепить доминирующее положение в Тегеране и создать в Персии барьер, столь необходимый на северо-западе. Афганистан, раздираемый почти непрерывной гражданской войной, был заброшен [4, с.205-207].

Таким же был и афганский город Герат, конечно, до тех пор, пока Персия была (или казалась) эффективным барьером против соперников Франции или России. Стратегическая граница Великобритании в некотором смысле находилась к северу от Тегерана. Действительно, в 1808 году лорд Минто всерьез планировал встретить там наступающую французскую армию. В данной схеме Герат был просто важным фортом для любой армии на этом пути. Тем не менее, довольно странно, что большинство британцев, которым удалось проникнуть в Герат или написать о нем в данное время, сделали это в удивительно случайных выражениях, которые, несомненно, озадачили бы тех из их преемников в 1830-х годах, которые утверждали, что нашли в его гигантских стенах ключ к Индии. Джордж Форстер, житель Бенгалии, совершивший необычное, хотя и разочаровывающе неинформативное путешествие по суше в 1783-1784 годах, на самом деле остался в Герате, но почему-то, он вообще не упоминал о его массивных укреплениях и не сравнивал его по размерам с Кандагаром. Хотя М. Эльфинстон не достиг Пешавара, его достижения в изучении и описании Афганистана стали знаковыми. Его книга об Афганистане оставалась стандартной работой по этой теме, прославляя «великолепие» долины Герата. Солдаты также не спешили признавать значение Герата. Первым из них, достигшим Герата в девятнадцатом веке, был капитан Кристи, который в 1810 году пробыл там почти месяц. Он восхищался размерами, процветающей торговлей города и плодородием долины, но отвергал укрепления как «очень презренные» [5, с.33-67]. В течение следующих нескольких лет молодой и энергичный англичанин по имени Макдональд Киннейр исследовал все возможные пути вторжения в Индию, однако, плохое самочувствие и безапелляционный отзыв заставили его вернуться в Индию. Сам он никогда не был в Герате, а для получения информации о маршрутах в этом направлении использовал Форстера и Эльфинстоуна. Из содержания его работы «О вторжении в Индию» исходило, что Россия, если она вообще попытается вторгнуться, несмотря на все трудности, сделает это через Персию (и, следовательно, Герат) [6, с.86-89]. Другой пилигрим, Конолли, в сентябре 1830 года проехал через великие западные ворота Герата – и родилась проблема Британии в Герате. Несмотря на зловоние и антисанитарию, Конолли сразу понял значение Герата и его удивительно красивой долины. Он утверждал, что это было «место величайшей важности ... – ключ к Афганистану, потому что его цитадель была неприступна для всех, кроме регулярных войск с надлежащим осадным поездом, а его долина была достаточно плодородной, чтобы содержать значительную армию» в течение многих лет. Кроме того, он подкрепил эту оценку некоторыми тревожными и, как оказалось, удивительно точными прогнозами того, как все может развиваться. Персия, утверждал он, теперь безвозвратно попала под российское влияние, и это влияние было одновременно враждебным и агрессивным по отношению к Индии. Вскоре Персия с Россией, имеющая на неё влияние, начнет новый план, разработанный в первую очередь для того, чтобы вернуть Герат, древнюю столицу персидского Хорасана. Успех, по его мнению, был чрезвычайно вероятен из-за легкости дороги и вражды, отделявшей Герат, управляемый Саддозаем, от его соседей-баракзаев в Кандагаре и Кабуле [7, с.5-7]. Конолли только намекнул на ужасы, которые могут последовать, но удивительно, как быстро его интерпретация была подхвачена в эпоху быстро растущей русофобии и расширена до ее пределов. Утверждалось, что Герат в руках персов может попасть под российское влияние и будет внедрен в Афганистан, который находится у самых ворот Индии, сначала русским консулом, а затем российскими войсками. В любом случае, будь то интрига, вторжение или простая угроза, русские смогут подвергнуть опасности всю основу британского могущества в северной Индии. Книга Конолли появилась в 1834 году вместе с приложением, озаглавленным «Land invasion of India» («Сухопутное вторжение в Индию»), содержащим большинство панических взглядов на Герат, которые он сформировал в 1830 году. Все основные обзоры относились к работе серьезно, хотя в основном оставались прагматичными по поводу опасности вторжения [8, с.124-127].

Макнил действительно проявил удивительную способность улучшить и распространить Гератский тезис Конолли 1830 года, сделав его практически неоспоримой общественной и официальной догмой в течение девяти лет. Однако следует отметить, что такой успех был бы невозможен без того фундаментального изменения событий, которые произошли в 1830-х годах и превратили прогнозы Конолли в реальность [8, с.128]. В этот период Персия становилась российской зоной, поскольку грозное российское посольство в Тегеране приступило к консолидации геополитических и коммерческих преимуществ, которые обеспечил Туркманчайский договор. Британские представители – Джон Кэмпбелл, Макнил, Генри Эллис – в свою очередь писали унылые письма, признавая и подчеркивая несостоятельность британских позиций в Персии, призывая к скорейшему созданию контрнаступления в Афганистане. Но еще хуже было то, что, как и предсказывал Конолли, почти в каждом сезоне кампании, начиная с

1832 года, появлялись тревожные признаки того, что Персия намеревалась приблизить свои границы и влияние к Индии путем установления контроля над ключевым афганским городом Герат и интриг против правителей Кабула и Кандагара. Герат и его окрестности имели большое значение для контроля над торговыми путями и обеспечения безопасности границ. Поддержка определенных правителей в соседних афганских городах также могла служить целям Персии в укреплении своего влияния в регионе. В ноябре 1837 года, при видимых признаках явной и официальной поддержки России, большая персидская армия начала последнюю осаду Герата. Макнил, в свою очередь, пытался спасти город через убеждение, угрозу и, наконец, посредничество под самыми стенами осажденного города. И когда все они потерпели неудачу, он покинул страну, изложив в двух длинных публичных и частных письмах Пальмерстону свое взвешенное мнение о кризисе, с которым теперь столкнулась Британия в Азии. Это снова был Конолли, но уже не как «новое предположение», а как установленный факт. Он писал: «Я не могу отделаться от убеждения, что, если мы не воспользуемся нынешней возможностью остановить продвижение Персии и закрыть перед ней дверь на стороне Афганистана, мы должны в ближайшее время подготовиться к встрече, как с Персией, так и с Россией в этой стране. ... Ключом ко всему Афганистану на севере является Герат... Если Персии удастся взять Герат, в то время как Россия покорит Хиву и заставит Бухару подчиниться, я полагаю, что для нас было бы безнадежно пытаться сохранить опору в Афганистане или Персии. ... Короче говоря, Центральная Азия была бы потеряна для нас. Но если мы спасем Герат и обеспечим его безопасность, весь Афганистан будет в относительной безопасности за ним; и в этом случае, даже если Россия уменьшит Хиву, хотя это, несомненно, будет большим злом, мы все равно будем в сильной и очень прочной позиции. ... Я могу заверить вашу светлость, что нет никаких препятствий, ни из-за физических особенностей страны, ни из-за нехватки припасов для марша большой армии, я бы сказал, даже из ста тысяч человек от границ Грузии до Кандагара или, как я полагаю, до Инда ... При таких обстоятельствах мне кажется, что было бы крайне рискованной политикой позволить Персии выступить в качестве пионера России и ... сломать главную оборону Афганистана и тем самым сделать эту страну для нас непригодной в тот момент, когда признается участие Персии и России в этих операциях» [9, с.746].

Герат, который осаждался персами, с 1817 года правился Саддозай-шах Камраном, столь же враждебным как его брат Баракзаям в Кабуле и Кандагаре. Политика Окленда была направлена на то, чтобы одним ударом избавить Герат от обоих военных действий. Персия должна была быть вынуждена отказаться от своих амбиций путем диверсионных действий в Персидском заливе и прямых действий под стенами Герата, если это будет необходимо. Баракзаев в Кандагаре и Кабуле должен был заменить дядя Камрана, шах Шуджа, в надежде, что на него и на независимый Герат можно будет накинуть плащ британской защиты. На какое-то время гератское крыло данной политики, как это было в Кандагаре и Кабуле, блестяще преуспело, и персы сняли осаду в сентябре 1838 года. В течение короткого времени британцы были спасителями Герата, и британское влияние, по-видимому, было там столь же велико, как и в других главных городах Афганистана. Инженерные офицеры посетили пострадавший город, чтобы дать советы по восстановлению и ремонту оборонительных сооружений. Британское золото было влито, чтобы помочь в работе по восстановлению, и в августе 1839 года с Камраном был заключен договор [10, с.285], который дал Британии агента-резидента и контроль над внешней политикой Герата в обмен на наличные деньги и офицеров для обучения армии, а также ремонта оборонительных сооружений. Положение Британии в Герате зависело от благодарности Камрана, или, скорее, его могущественного визиря Яр-Мухаммеда, и от постоянного потока рупий Кампани. Ни один из товаров не был неисчерпаемым. Один британский агент за другим - Стоддарт, Эдред Поттинджер и д'Арси Тодд - безуспешно пытались стабилизировать ситуацию в Герате, и все они, в свою очередь, потерпели поражение от того, что они считали дьявольским предательством и интригой. В марте 1841 года Тодд последовал за своими предшественниками и покинул город, настаивая на насильственной аннексии владений шаха Шуджи дальше на восток, как единственной надежды сохранить там британское присутствие и спасти его от персидского влияния» [11, с.85].

Действительно, события в Герате и действия правителя Камрана являются ярким примером сложности и непредсказуемости политических игр в регионе. Попытки британцев сохранить свое влияние в Герате столкнулись с рядом трудностей, включая отказ правителя от помощи и его двусмысленные угрозы войны шаху Шудже и британским позициям в Кандагаре.

Кабинету вигов в Лондоне логика предложений Годда казалась очевидной. Герат не должен быть персидским. Поэтому он должен быть афганским. «Мы придерживаемся твердого мнения, - сказал Окленд своим хозяевам в июне 1841 года, - что ничто, кроме оккупации Герата британским гарнизоном, не положит конец трудностям, в которые вы вовлечены в отношении этого государства» [12, с.9/86], и были отданы приказы о его захвате и присоединении к остальной части Афганистана. К счастью, ничего не было сделано, так как в течение нескольких месяцев и Шах-Шуджа, и британская армия в Кабуле были уничтожены. Казалось, в мгновение ока все на поверхности стало таким, как будто афганской войны вообще не было. Обездоленный Дост Мухаммад вернулся в Кабул, а его сводный брат Кохундил-хан – в Кандагар. В Герате Саддозай Камран правил еще несколько месяцев, а затем в начале 1842 года его сменил Яр-Мухаммад. Он дал Герату то, в чем он нуждался больше всего на свете, – десять лет мира и сильного правления. Англо-русские отношения в 1840-х годах были столь же сердечными, как и враждебными в предыдущие десятилетия, и британская русофобия угасла. Мысль о том, что Россия может вторгнуться в Индию и что Герат должен каким-то образом стать ее ключом, рассматривалась как фантазия больных умов. Все эти обесцвеченные кости индейцев на перевале Хурд-Кабул и русские трупы в пустыне по дороге в Хиву, казалось, доказывали эту ложь более убедительно, чем могли бы доказать аргументы. Макнил ненадолго вернулся в Тегеран, чтобы восстановить англо-персидские связи с помощью торгового договора, и в течение следующих нескольких лет британские отношения с Тегераном стали дружелюбными, если не дружественными. С Афганистаном у британцев вообще нет никаких связей. Что касается Герата, то, по словам Кея, «мы беспокоились не столько о Герате, сколько о Гонолулу» [13, с.258].

Все было почти так же, как и до того, как Конолли въехал в Герат в сентябре 1830 года, все это – превосходство России в Персии и враждебность по отношению к Британии или Индии, подчинение персов России и агрессивность по отношению к Герату – казалось, так явно соответствовало политическим фактам. И наоборот, период англо-русской и англо-персидской гармонии, как в 1840-х годах, делал их абсурдными. Но если Персия возродит свои старые амбиции на восток и хрупкая англо-российская Антанта снова столкнется с проблемой Турции, то старые последствия, предвиденные Макнилом и Конолли, при попадании Герата во враждебные руки, будут такими же опасными, как и прежде. Истинное значение афганской войны в этом контексте заключается не столько в том, что она разрушила выводы теории «Гератского ключа к Индии», более того, в некотором смысле она их подтвердила, а в том, что она продемонстрировала огромные трудности в том, чтобы что-либо с ними сделать. Война посеяла такие подозрения между британцами и афганцами, что поставила любую идею совместного сотрудничества в защите Герата от враждебных влияний запада почти вне досягаемости практической политики [14, с.341-371].

Это сделало Герат еще более, чем прежде, форпостом во враждебной афганской зоне и разрушило доверие к любой британской политике в самом Герате. Как позже выразился торговый агент Яр-Мухаммеда: «Хотя присутствие англичанина в дальнейшем могло бы быть приятным для этого Вождя, нынешнее состояние чувств в других частях Афганистана по отношению к англичанам подвергло бы его большему оскорблению, приняв британского агента в Герате, чем он был бы готов столкнуться, если бы не очевидное и настоящее преимущество» [14, с.376]. Очевидная легкость, с которой Персия перебросила большие силы численностью до 100 000 человек и удерживала их под стенами Герата в течение десяти месяцев, а также успешное сопротивление города таким силам с их хорошо обслуживаемыми орудиями и их русскими советниками, казалось, подтверждали, как стратегическую ценность долины Герата, так и относительную легкость маршрутов к западу. С другой стороны, длительная осада нанесла страшный ущерб некогда плодородной долине и укреплениям города.

Британские инженеры так и не смогли справиться с масштабной задачей приведения в надлежащий порядок оборонительных сооружений, и, по мнению одного из них, это место не могло долго продержаться против руководимой должным образом европейской армии, оснащенной осадным поездом. Действительно, Элдред Поттинджер, который больше, чем кто-либо, должен был знать, полагал, что при надлежащем руководстве и нескольких обученных саперах персы могли бы взять Герат штурмом в 1837 году в первый же день. «Неудача их усилий была вызвана ошибками их генералов. Мы никогда больше не сможем рассчитывать на это, и, если персы снова вернуться, они сделают это должным образом и просветят о причинах своей прежней неудачи». Таким образом, вся ситуация в Герате в 1840-х годах была для Британии потенциально такой же сложной, как и в предыдущем десятилетии. Только в одном смысле положение британцев улучшилось: аннексия Синда в 1843 году и Пенджаба в 1849 году вместе

привели британские границы почти так же близко к Герату, как они были к Кабулу в начале афганской войны. Парадоксально, но это изменение и жгучий опыт самой афганской войны помогли разрушить старое единодушие 1838 года между Калькуттой и Лондоном относительно наилучшего способа решения проблем Герата и сделали его решение еще более трудным, чем когда-либо [15, с.306]. Но после афганской войны коллега Элдреда Поттинджера столкнулся с таким сильным отвращением индийских властей к любой активной политике в Афганистане, что он предупредил Палмерсто о том, чтобы он держал Индию подальше от этого места и вообще не имел прямых отношений с Гератом: «Если вы решите занять новую позицию, или, скорее, я бы сказал, вашу старую позицию в Тегеране, я был бы склонен рекомендовать вам сделать это, не выдвигая Индию на видное место или вообще не вовлекая ее в игру. Я полагаю, что вы ни при каких обстоятельствах не подумали бы о проведении военных операций в Центральной Азии» [16, с.707]. В июне 1851 года Яр-Мухаммад дал Герату почти десять лет независимости и мира. Но его сменил некомпетентный, слабоумный сын, Сайид Мухаммад. Он, беспокоясь о своих соседях в Кабуле и Кандагаре, почти сразу же обратился за защитой к агрессивному молодому шаху Насир-уд-дину, который в это время был занят восстановлением своей власти в Храсане. Вскоре после того, как сэр Чарльз Вуд вошел в Правление, известие о соглашении Шейла с Гератом было получено в Лондоне, но Индия в течение полутора лет не была уведомлена даже об этом, пока правительство глубоко было погружено в переговоры с Кабулом. Это был поразительный пример, один из многих в истории отношений Британии с Гератом, когда левая рука не знала, что делает правая. Невежество индийского правительства было непростительно, особенно с учетом того, что стандартным ответом на непримиримость персов в Герате, как и в 1838 году, должен был стать индийский удар в заливе Бомбея. Но это было еще не все. Возложив на Великобританию ответственность за сохранение независимости Герата от Кабула и Кандагара и признав право Персии отправиться туда, если кто-либо из них будет угрожать, соглашение Шейла предполагало, что между Индией и княжествами восточного Афганистана существуют хорошие отношения. Ничто не было дальше от истины. В некотором смысле соглашение Шейла затрудняло достижение хороших отношений с ними, потому что правители Кандагара и Кабула имели давние собственные планы в отношении Герата. Более того, соглашение Шейла обязывало Британию не только к идее независимого Герата, но и к разделенному Афганистану. Это, безусловно, отражало статус-кво в 1852 году, а также недавнее прошлое, но оно становилось все более непригодным в качестве объекта британской политики по мере того, как Британия и Россия вступали в войну, поскольку отношения Индии с Дост Мухаммедом из Кабула становились все более сердечными и, прежде всего, по мере того, как становилось все более очевидным, что Герат не может поддерживать подлинную независимость между верхними и нижними жерновами ее могущественных афганских и персидских соседей. Как только Британия захватила Пешавар в марте 1849 года, тем самым получив стратегическую границу на северо-западе и блокируя амбиции Дост Мухаммеда на юге, прежняя необходимость держать Афганистан слабым и разделенным в значительной степени исчезла. Теперь афганская сила и единство, вероятно, будут гораздо более ценны для Британии, чем афганская слабость, особенно с тех пор, как Туркманчайский договор (21 февраля 1828 г.) и все, что последовало за ним, имели тенденцию ослаблять британские позиции в Персии и укреплять русские. Согласие Шейла указывало как раз на обратное. Затруднительное положение Британии в Герате в течение следующих десяти лет было, в двух словах, проблемой того, как скорректировать прежнюю политику в соответствии с этими новыми фактами [17, с.340]. Он знал по горькому опыту, что персы были такими искусными лжецами и интриганами, или, скорее, что их концепция этики в дипломатии настолько отличалась от концепции Западной Европы, что договоры и обещания сами по себе были плохими хранителями независимости Герата. В любом случае, конечно, ни один разумный правитель Герата не мог позволить себе отрезать себя от своего могущественного западного соседа. Сильное, если не доминирующее, персидское влияние там было почти неизбежным.

В этих обстоятельствах неудивительно, что, когда Томсон возродил более раннее предложение Шейла отправить наемного британского агента в Герат, Министерство иностранных дел в Лондоне под руководством лорда Кларендона было готово и даже стремилось принять эту идею. Вуд в Контрольном совете, похоже, отнесся к этому непредвзято, хотя гораздо более уверен, что индийское правительство должно установить более тесные отношения с Кабулом. Генерал-губернатор лорд Далхаузи спокойно отнесся к обоим предложениям и стремился избежать в Афганистане каких-либо осложнений любого рода.

Нет сомнений, что британская жесткость была гораздо больше ответом на сдерживающее влияние США – ситуация на Ближнем Востоке и попытка угроз удержать Персию от неминуемой войны, чем попытка сохранить верность Персии; обещания о Герате. Независимость Герата оставалась предметом озабоченности Министерства иностранных дел, и позже, в 1854 году, когда появились новые доказательства персидских интриг, Британия продолжила придирается к Тегерану, даже когда персидский нейтралитет в Крымской войне казался гарантированным. Этот второй небольшой Гератский кризис 1853-1854 годов, хотя он и не имел ничего общего с предыдущим кризисом 1852-1853 годов, действительно, представлял собой прогресс с британской стороны, потому что на этот раз индийское правительство было полностью вовлечено и консультировалось. И почти сразу же на поверхность вышла скрытая напряженность между политикой независимости Герата, воплощенной в соглашении Шейла, и индийской потребностью в укреплении Афганистана. Далхаузи выступал против любой идеи постоянного представительства Великобритании в Герате. Вначале ему это не нравилось, потому что оно представляло собой неловкое обязательство, но позже, потому что это полностью противоречило политике более тесных отношений с Кабулом, которую он проводил с растущим энтузиазмом в 1854 году. К счастью, вопрос о Герате почти не затрагивался в дискуссиях, которые привели в начале 1855 года к простому договору о дружбе с Кабулом [18, с.329].

Третий и последний из этих обостряющихся англо-персидских кризисов был похожим на другие, это сразу же подняло всю проблему Герата и отношение Британии к нему. Разница заключалась в том, что вместо того, чтобы британские предупреждения привели к быстрому урегулированию, они помогли привести в конце 1856 года к полномасштабной англо-персидской войне. Перед отъездом из Лондона он провел ряд бесед с Вудом и Кларендоном, и оба они сказали ему, что британская политика по-прежнему заключается в сохранении независимости Герата от востока и запада в соответствии с соглашением Шейла. Письменные инструкции Мюррея не были очень конкретными по данному вопросу. Его просто предупредили, что удовлетворительная, но ненадежная позиция нейтралитета Персии по отношению к Турции, России и Афганистану, которую он должен поддерживать любой ценой, может измениться в любой момент. Несмотря на опровержения в Санкт-Петербурге, практически все основные британские государственные деятели, участвовавшие в Лондоне, считали, что Россия каким-то образом стояла за непримиримостью Персии в отношении Герата [19, с.155]. Независимость Герата в то время казалась единственно возможным решением. Все усилия были направлены на то, чтобы удовлетворить интересы Индии и обеспечить мирное разрешение конфликта. Как отмечал Каннинг Гранвилль всего за месяц до начала войны, необходимо было исключить возможность присоединения Герата к какому-либо из афганских княжеств в случае неблагоприятных обстоятельств в Центральной Азии [20, с.42]. Всеобщее облегчение наступило, когда Коули, после острых дипломатических усилий в Париже 4 марта 1857 года, привел Фаррух-хана к соглашению по этим вопросам, и англо-персидская война закончилась в 1857 году. Таким образом, из приведенных материалов исходит, что Британские происки в Центральной Азии требовали создания определенного форпоста для дальнейшей координации своих действий и реализации своих масштабных планов. В этом плане не случайно был избран город Герат, как в политическом отношении, так и в геостратегическом отношении, поскольку этот город являлся «ключом» к сердцу Азии в надвигающейся «Большой игре».

Подводя итог, можно отметить, что столкновение геополитических интересов ведущих колониальных держав, прежде всего Великобритании и России, в Центральной Азии привело к нескольким ключевым последствиям. Во-первых, оно усилило дипломатические маневры вокруг стратегически важного города Герат, рассматриваемого как ключ к входу в Среднюю Азию. Во-вторых, конфликт вокруг Герата породил «Афганский вектор» с последующими последствиями. В-третьих, в эту политическую игру были втянуты отдельные представители местного населения, что привело к настоящей борьбе за сферы влияния. Наконец, в-четвертых, другие приграничные и западные страны также начали принимать участие в этой игре, расширяя горизонт политических противостояний. Однако важно отметить, что, несмотря на вышеуказанные факторы, к сожалению, проблема Герата оставалась открытой, то есть не завершённой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. For Soviet and markets and Popov, "Iz istorii zavoevanii Srednei Azii", Istoricheskie zapiski, IX (1940), 1988; E. V. Bunakov "K istorii snoshenii Rossii s sredneaziatskimi xanstvami v XIX:., Sovetskoe vostokovedenie, II, 5 ff.; Aminov and Bobokhodzhaev, Ekonomicheskoe Rossii (Tashk 580-81. The fuller Asia before the Srednei Azii 40 also emphasize the moves by England India,"

- Istorichesk, Western account significant than to the problem is Foreign Policy, Pierce, Russian Schuyler, Turkist t Modern History c Mosse, Alexander chapter VII. See also R. A. Sentral Asia, 1867-1917 (Berkeley, 1960), p. 17-18;
2. Gladwin transl. F. Ayeen Akbery or the Institutes of the Emperor Akber, Calcutta, 1783-6, Volume II, p. 201-202.
 3. It is based mainly on the following manuscript materials: at the India Office Library and Records, London the various series of correspondence in the Secret and Political Department (L/PS/), the papers of Sir Charles Wood (Eur. Mss. F. 78/) and Sir John Lawrence (Eur. Mss. F. 90/), the Home Miscellaneous series (H/) and the Political and Secret Proceedings and Consultations (P/); at the Public Record Office, London the Foreign Office correspondence to and from Persia (FO 60/) and the confidential print series (FO 539/), the private papers of Lord Granville (PRO 30/29/) and of Lord John Russell (PRO 30/22/); at the Scottish Record Office, Edinburgh the papers of Lord Dalhousie (GD 45/); at the Bodleian, Oxford the papers of Lord Clarendon (Mss. Clar. dep.); at Leeds Public Library the papers of Lord Canning (Can/); at Liverpool Record Office the papers of the 15th Earl of Derby (920/DER).
 4. Elphinstone M., An Account of the Kingdom of Caubul, London, 1815, p. 205
 5. Macdonald J., Remarks on Lieut. Col. Evans' late work, March 1, 1830, № 8 of July 9, 1830, P/358. John Malcolm, Bombay, 1830, pp. 33-67.
 6. Hurewitz J. C., Diplomacy in the Near and Middle East, i, New York, 1956, p. 96. The Anglo-Persian treaty of 1814 is *ibid.*, p. 86-89
 7. Journal of Modern History, viii, 1936, 444 and the English Historical Review, lxii, 1947, 327 and M. H. Jenks, 'The Activities and Influence of David Urquhart', unpublished PhD thesis, London, 1964. The general growth of Russophobia in the 1830s is charted in J. H. Gleason, The Genesis of Russophobia in Great Britain, Harvard, 1950, Chapters 5—7.
 8. The London edition of 1836, p.124-127. It was reprinted in 1854.
 9. Secret Committee to Governor-General, June 4, 1841, no. 746, L/PS/5/552. See also SC to GG, June 5, 1841, no. 750, *ibid.*; Palmerston to Hobhouse, June 1 and 3, 1841, Add. Mss. 46,915, 257 and 263; Hobhouse to Auckland, June 5, 1841, H/840, 130 and the correspondence in this volume ff.165 onwards..
 10. Edinburgh Review, January 1857, cv, p. 285.
 11. In 1848-1849 Dost Muhammad attempted to seek his revenge by an abortive bid to seize Peshawar and assist the Sikhs in the second Sikh war. p.85
 12. Sheil to Palmerston, January 1, 1847, L/PS/9/86.
 13. The desolation is vividly described by the French soldier, 'General' J. P. Ferrier who visited Herat in 1845 in his History of the Afghans, p. 258 and his Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan, London, 1856, p. 173. February 21, 1852, L/PS/5/559. Eye-witness accounts of the devastation in 1839 are in Add. Mss. 36,474,152 and 154 and paras. 5, 6 and 31 of Todd to Macnaghten, October 2, 1839, № 3 of 11, L/PS/5/144.
 14. The report by Major Sanders of the Bengal Engineers is printed almost in full in C. M. MacGregor, Central Asia: Part 2, Afghanistan, Calcutta, 1871, p. 341-371.
 15. Palmerston to Hobhouse, April 3, 1847, Add. Mss. p.306.
 16. Sheil to Malmesbury, January 13, 1853, State Papers, Volume XLV, p.707.
 17. Aitcheson Treaties, Volume XI, p.340.
 18. Granville to Clarendon, September 18, 1856, FO 539/7, 168; Clarendon to Stratford de Redcliffe, December 12, 1856, Clar. Mss. dep. C.137, 416; Palmerston to Clarendon, February 17, 1857, *ibid.*, C.69, 137, cited E. Ashley, Life of Henry John Temple, Viscount Palmerston, London, 1876, ii, 128-9; Duke of Cambridge to Fox Maule, December 27, 1856, G. Douglas and G. D. Ramsay, The Panmure Papers, London, 1908, Volume II, p. 329.
 19. Letter of February 25, 1856, PRO 30/29/21, 99 cited E. Fitzmaurice, Granville, i, p. 155.
 20. The text of the treaty is Aitchison, *op. cit.*, Volume XII, p. 76; State Papers, Volume XLVII, p.42.
 21. Letter of February 25, 1856, PRO 30/29/21, 99 cited E. Fitzmaurice, Granville, i, p. 155.
 22. The text of the treaty is Aitchison, *op. cit.*, Volume XII, p. 76; State Papers, Volume XLVII, p.42.